

3.2. Курс на развернутое строительство коммунизма: утопия и реалии

3.2.1. XXI и XXII съезды КПСС

Хрущев безоглядно верил в преимущество социализма, в его возможности догнать и перегнать капитализм по важнейшим экономическим показателям. Эту веру в нем крепили и реальные достижения, и идеология. Рост национального дохода СССР за десятилетие, с 1950 по 1960 г., составил 265%, тогда как США – только 134%. Удалось превзойти США по добыче угля и производству цемента. Предпринимались усилия по увеличению добычи нефти и газа, выплавке стали, производству электроэнергии, в том числе атомной. Более чем в полтора раза увеличился объем валовой продукции сельского хозяйства. Сбор зерна в 1960 г. превысил 125 млн. т по сравнению с примерно 81 млн. т в начале 50-х годов. Был выдвинут лозунг догнать и перегнать США уже в ближайшие годы по молоку, маслу и мясу, для чего предполагалось увеличить их производство не менее чем в три раза.

Особенно впечатляющими были достижения в высокотехнологичных отраслях. Статус великой державы, противоборство с США, опыт недавно закончившейся войны и угроза новой поставили отечественный военно-промышленный комплекс в исключительное положение. На его развитие шла большая часть государственного бюджета. В различных его отраслях сосредоточились лучшие ученые, инженеры и рабочие. Глава советского правительства объявил, что Советский Союз стоит на пороге очередной научно-технической и промышленной революции.

В 1957 г. СССР совершил прорыв в космос, запустив первый в мире искусственный спутник Земли. А 12 апреля 1961 г. облет Земли на космическом корабле совершил Юрий Гагарин. На торжественной встрече с ним в Кремле советские руководители с гордостью говорили о достижениях и перспективах отечественной науки и техники.

Разделяя этот оптимизм, президент Академии наук СССР М.В. Келдыш в то же время не забывал предупреждать советских ученых, конструкторов и технологов, что их соревнование с американскими коллегами будет иметь смысл только в том случае, если они сумеют решить целый ряд крупных народнохозяйственных проблем. К ним он отнес комплексную автоматизацию производства, контроль и управление на основе электронно-вычислительных машин, открытие и использование новых источников энергии и новых конструкционных материалов. К сожалению, средств на все не хватало. Их выделяли только тогда, когда удавалось доказать военную целесообразность того или иного проекта.

Советский режим, начав после смерти Сталина превращаться из жесткого тоталитарного в более мягкий авторитарный, оставался по сути своей командно-бюрократической, военно-мобилизационной системой. А она не может функционировать без постоянного приведения масс в действие, без сосредоточения всех сил и средств для достижения определенной цели. Сказалось и пока что неявное соперничество с китайскими коммунистами.

Вот почему на XXI съезде КПСС в начале 1959 г., сделав вывод не только о полной, но и окончательной победе социализма в СССР, было провозглашено начало развернутого строительства следующего, более высокого общественного строя, коммунизма.

– Практически должна быть решена историческая задача, – разъяснял Хрущев суть этого нового этапа, – догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству продуктов на душу населения{1453}.

Был обозначен и срок – 15 лет. Правда, находя его несколько растянутым, он объяснял делегатам, что «понадобится, вероятно, после выполнения 7-летнего плана еще лет 5, чтобы догнать и превзойти США по производству промышленной продукции»{1454}.

А на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. уже была принята новая, третья по счету, программа партии, провозглашавшая, что «построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа»{1455}. Решение задач этого строительства разбивалось на два последовательных этапа.

В ближайшее десятилетие (1961-1970 гг.) «Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капиталистического мира – США». В результате всем будет обеспечен материальный достаток, в основном будут удовлетворены потребности в благоустроенных жилищах, исчезнет тяжкий физический труд и СССР станет страной самого короткого рабочего дня{1456}.

В итоге второго десятилетия (1971-1980 гг.) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения, и советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям. «Таким образом, в СССР будет построено в основном коммунистическое общество»{1457}.

С точки зрения доктринерской, в этих решениях не было ничего нового. Фактически Хрущев возвращал страну во времена Сталина, который на XVIII и XIX съездах ставил такую задачу как главную. И сроки ее решения намечались им схожие. Правда, теперь в основу расчетов легла формальная экстраполяция достаточно высокой динамики развития экономики страны к моменту принятия программы, помноженная на уверенность, что темпы этого развития будут по-прежнему высокими.

Верили ли составители этой программы в ее реальность? Судя по всему, Хрущев – да. Для него превосходство социалистических институтов над капиталистическими было бесспорным. Он искренне верил, что плановое хозяйство эффективнее рыночного и по восприимчивости к прогрессу, и по социальной направленности, и по темпам. Можно согласиться с предположениями некоторых историков, что прорыв в коммунистическое будущее соответствовал и личным амбициям первого секретаря ЦК КПС. Это как бы ставило его вровень с великими предшественниками: организатором социалистической революции Лениным и строителем социализма Сталиным{1458}.

Курс на коммунизм можно рассматривать и как попытку ухода высшей власти, в то время олицетворяемой Хрущевым, от решения реальных проблем развития. Сельское хозяйство явно утрачивало свою динамику. Снижались темпы реконструкции промышленности. Накапливалась социальная напряженность. Так называемые «нездоровые настроения» были отнюдь не единичным явлением.

Партийные пропагандисты в своих отчетах вынуждены были признавать, что «отдельные» колхозники, например, в Кромском районе Орловской области, в беседах с ними утверждают, что они «производя молоко и мясо, сами этих продуктов не едят, мало получают денег на трудодни, а вот рабочие деньги получают и хорошо питаются». Нужда и элементарная бытовая неустроенность на фоне безудержной пропаганды скорых коммунистических благ вызывали все большее раздражение.

– Какой же мы строим коммунизм, когда живем вместе со скотом в землянках? – прямо заявляла одна звеньевая в колхозе «Путь Ленина».

По мнению колхозников, происходит это потому, что на них меньше обращается внимания, чем на рабочих{1459}.

Но и в городах повседневная жизнь отравлялась постоянным и чуть ли не всеобщим дефицитом и очередями, транспортными и другими неурядицами. «Чем дальше, тем все больше выявляется неизбежно трагический характер нашего развития в темпе непрерывного убыстрения, напряжения и отчуждения действительности от слов о ней», – делился поэт А.Т. Твардовский со своей рабочей тетрадью 21 июня 1961 г. впечатлениями о пребывании в качестве депутата Верховного Совета СССР в Ярославле. «Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах. Два сорта рыбных консервов. Безрыбная Волга». Приехал он туда накануне снятия первого секретаря обкома и председателя облисполкома. «Сняли их, в сущности, за то (с этим согласился стоящий несколько в стороне пред. СНХ Фетисов), что они выполнили вреднейший приказ сверху, выполнили автоматически, как положено, выполнили против своей совести и сознания... и, не выполнив который, они были бы сняты тогда же»{1460}.

В такой ситуации бросок к светлому будущему – проверенный способ перевернуть страницу, начать все снова, с «чистого листа». Подобный опыт уже был 30 лет тому назад.

Сталин, не в силах справиться с тяготившими его проблемами нэпа, отбросил его и бросил страну на штурм зияющих высот социализма, навстречу новым, еще не пережитым проблемам. Тем более, что для Хрущева и многих его современников тот социализм, с которым им пришлось иметь дело, изначально был обременен буржуазным наследием, «родимыми пятнами капитализма». Не в них ли причина всех существующих трудностей, несправедливости, разочарования? Столкновение коммунистического идеала с действительностью будило у его носителей стремление поскорее переделать ее. Если это так и было, а социолог Л. Ионин считает это даже самым главным мотивом{1461}, то можно согласиться и с тем, что курс на коммунизм по своей природе был попыткой контрреформы, начатой в ответ на появление новых общественных тенденций, угрожавших основам социализма{1462}.

У ориентации на скорое наступление коммунизма были и другие импульсы. В ней могла проявиться реакция правящих кругов на новые социальные тенденции, потенциально угрожающие их всевластию. С ростом образованности населения (вместе с его усиливающейся производственно-функциональной, культурной и имущественной дифференциацией) набирал обороты процесс превращения прежних статистических группировок в социальные общности. А для верховной власти даже складывание класса аппаратчиков не только противоречит доктрине социалистической демократии и традициям борьбы с бюрократизмом, но и представляет угрозу ее прерогативам. Хрущев, замечает в связи с этим О.Л. Лейбович, – «слишком человек раннего социализма, чтобы примириться с новым социальным образованием»{1463}. Ведь даже его преемники, в реальной политике всегда учитывавшие интересы этого класса, тем не менее признавать его существование не решились. Так что курс на коммунизм можно толковать и как стремление власти растворить отдельные интересы в едином, преодолеть растущую обособленность социальных групп, сплотив все население вокруг великой цели.

В коммунизме как лозунге видели свой определенный интерес и сами эти социальные группы, как это не выглядит парадоксально на первый взгляд. Для бюрократов он являлся дополнительным оправданием для расправ с непослушными гражданами, стремящимися ускользнуть от экономического (теневики, тунеядцы) и идеологического (некоторые представители художественной интеллигенции, стилиаги) контроля. Для поэтов-шестидесятников он выступал альтернативой будничному быту, господству рутины и был своего рода щитом в их своеобразной оппозиции новому классу. Апеллируя к коммунизму, Е.А. Евтушенко обличал тогдашнюю повседневность с ее устоявшейся иерархией, не опасаясь особенно репрессий против себя. Для него лично это был аттестат на лояльность. Для осознавших свои интересы рабочих коммунизм служил оправданием их эгалитарных требований: закрытия магазинов для начальства, передачи казенных дач детским дошкольным учреждениям. Но такая ориентация на коммунизм скорее разъединяла, нежели сплачивала, ее мобилизующий эффект оказался крайне мал.

В обществе, лишенном экономических механизмов саморегуляции, их роль исполняет власть. И она обязана все время побуждать людей трудиться. Но к труду «страха божьего ради» возвращаться не желала уже сама власть. Экономическое стимулирование в глазах такого убежденного коммуниста, как Хрущев, имело значение только в самых ограниченных дозах, ибо могло усиливать частный интерес в ущерб общественному, то есть государственному. Оставалось массированное идеологическое воздействие. Курс на коммунизм и на победу в соревновании с Америкой и должен был, по мысли советских идеологов, побудить энтузиазм, воссоздать атмосферу «героики и романтики борьбы за новое общество»{1464}. Однако стать новым стимулом трудовой активности ему не удалось.

Даже среди партийно-государственных деятелей немало было достаточно практичных и циничных, которые скрывали свои сомнения и даже неверие, поддакивая первому, они поддерживали в нем святую убежденность в правоте общего дела, в реальности обещаний решить продовольственную проблему в ближайшие 5 лет, жилищную – через 10 лет, отказаться от взимания налогов с населения и т. п. Поэт А.Т. Твардовский, работавший над текстом нового советского гимна в элитном санатории «Барвиха», записывал 30 августа 1961 г. свои впечатления о тамошней номенклатурной публике: «Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках – люди больные и здоровые, но

люди не рядовые, руководящие, видные, партийные. И никогда не произносят слова коммунизм иначе, чем в шутку, – по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т. п.»{1465}.

Много таких было в низах партии и в массах беспартийных.

На вопрос «Как вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?» 51% опрошенных в 1998 г. и 53% опрошенных в 1999 г. ответили, что они верили в коммунизм.

С воодушевлением всегда воспринимала идею коммунизма Л.А. Догонина, ткачиха Яхромской прядильно-ткацкой фабрики{1466}. Была надежда на лучшую жизнь у А.О. Точилкиной, домохозяйки из Люберец{1467}. «Раз социализм построили, то и коммунизм построим, люди привыкнут ходить на работу и пьянки такой не будет», – рассуждал В.Т. Гришаев, совхозный ветеринар из села Николаевка в Косторненском районе Курской области{1468}. Такое общество «все-таки утопией не является», – и сейчас считает Г.М. Козлов, тогда – офицер в военном гарнизоне Кубинка-1{1469}. «Это была красивая сказка для нас, мы верили, что построим общество всеобщего равенства и братства», – вспоминала О.В. Фоменкова, работница Дрезненской фаянсовой фабрики{1470}. «Нужно было во что-нибудь верить», по словам учительницы одной из начальных школ в Иркутске Е.А. Рязанцевой{1471}.

Как и все окружающие, верила в «светлое будущее» путевая обходчица Т.М. Маленец из Гомеля{1472}. «Все верили, и мы тоже», – говорила позже А.Г. Столярова, прораб-строитель из Можайска{1473}.

Всегдашней мечтой человечества называл коммунизм военнослужащий А.П. Брехов. «Все будут равны, а значит счастливы», – так себе представляла желанное будущее шлифовщица с завода «Фрезер» Н.В. Подколзина. «Ну не может же человек человеку быть волком, как нынче!» – восклицает Т.Ф. Ремезова, работавшая тогда медсестрой в Коломне. «Все будут довольны и счастливы, будем хорошо питаться и пользоваться городскими товарами», – мечтала колхозница А.А. Комарова из деревни Захарове в Малоярославецком районе. «Коммунизма ждали, надеялись, что все будет бесплатно», – рассказывала счетовод Р.С. Савенцева из деревни Орловск в Марийской АССР{1474}. «Никто не понимал, что такое коммунизм, – поясняла Л.Н. Спиридонова из села Съяново в Подольском районе. – Но верили, что жизнь станет лучше, тем более что она действительно улучшалась, колхозники получили паспорта, и мои братья смогли уехать в Москву на заработки, сама я стала получать пенсию по инвалидности». Такого же мнения придерживалась Г.Н. Щербакова, учительница Кондыринской школы в Клинском районе: «В хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться – коммунизм или нет – для нас было не важно». Особый оптимизм при этом внушало массовое жилищное строительство, за что «благодарили Хрущева». По мнению медсестры из Института скорой помощи им. Склифосовского В.В. Беляевой, люди «вообще не представляли, что такое коммунизм», но «в возможность лучшей жизни верили», правда, «не так сильно, как при Сталине»{1475}.

Сомневались соответственно 5,5 и 2% опрошенных.

Скептически к этому времени стал относиться к коммунистическим идеям рабочий одного из номерных заводов в Москве С.С. Глазунов, но «с этим ни с кем не делился». Хорошей, но невозможной идеей считал коммунизм техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов{1476}. Не ясно было В.Н. Притуле: «Как же мы будем работать и за это ничего не получать?»{1477}. По словам Л.А. Лебедевой, только что окончившей факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, к слову «коммунизм» относились без почтения: «Видели, как живет народ». Но понимали, что это необходимый лозунг для подъема масс{1478}.

Не верили соответственно 18, 5 и 16% опрошенных.

«В партии не состояла, обещаниям не верила» – экономист «Экспортльна» Е.В. Корниенко, тем более что «жили плохо, одеть было нечего»{1479}. Верила, что «все отбирают у рабочего класса из его кармана», садовод А.Л. Корзунова из Мещевского района в Калужской области{1480}. «Все растащат те, кто сильнее, а народу ничего не достанется, – полагала А.Т. Майорова, жившая в деревне Покров Клинского района, а работавшая в отделении перевозки почт на Ленинградском вокзале в Москве. – С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»{1481}. А.М. Семенов, секретарь Корбовского райкома партии в Белоруссии, считал коммунизм утопией потому, что «не могут все одинаково добросовестно

относиться к труду и не каждый в силах проявить талант и высокое мастерство в работе, а следовательно и потребление должно быть не по потребностям, а по труду»{1482}. Верил в социализм, но коммунизм считал «чушью» студент МАИ В.В. Голубков, родившийся и выросший в деревне{1483}. «Нужен хороший социализм, а о коммунизме речи быть не может», – считала бухгалтер базы № 1 ГУ материально-технического снабжения МПС в Ховрине А.Н. Бородкина{1484}.

К этому времени поняла, что «никогда не будет в нашем обществе равенства и благоденствия», А.Н. Никольская, медсестра из детских ясель Водздравотдела в Икше Дмитровского района{1485}. «Равенства никогда не было и не будет», – была уверена рабочая Московского электротехнического завода им. Куйбышева коммунистка Л.П. Агеева{1486}.

«Не верила никогда» колхозница Н.Г. Краснощекова из села Сосновка Козловского района Мордовии, уверяя, что, «если кто и верил, то очень немногие»{1487}. «Да никто не верил этим бредням», по мнению школьного военрука А.А. Рыбакова из поселка Онуфриево в Истринском районе{1488}. Вопрос о коммунизме «не мучил» фотокорреспондента журнала «Советский Союз» В.А. Руйковича: «К этим обещаниям мы привыкли и на эту говорильню не обращали внимания. Брехня! – вот как все это воспринималось»{1489}. «Эти утверждения были как анекдот, злая шутка, им никто не верил и всерьез не относился», – утверждает А.И. Аксенова, работавшая на заводе «Вторчермет» в Москве, а жившая в Люберцах{1490}.

«Наша вера в лучшую жизнь вовсе не означала веру в коммунизм» – поясняла Т.П. Кищенко, доярка из деревни Зайчевка в Тульской области. Не верили, например, учительницы Воздвиженской школы в Загорском районе и Косинской школы в Люберецком районе А.П. Запрудникова и Г.К. Пятикрестовская, но детям о нем приходилось рассказывать. «Не могли понять, что это такое, потому и не верили», по словам заведующей отделом кадров треста «Ефремов-строй» коммунистки Р.П. Пономаревой. Утопией считали равенство рабочих предприятия п/я 651 (ныне НПО «Энергия») Р.О. Струков, работница Бабушкинского райздрава в Москве П.П. Хлопцева, учительница А.С. Катанина из поселка Северный в Талдомском районе, мастер строительства ТЭЦ-22 Мосэнерго В.М. Доронкин и еще 7 респондентов. «Всегда есть и будут сильные и слабые», – говорила доярка М.С. Прилепо из деревни Струженка в Суражском районе Брянской области. «Всегда кто-то живет лучше других», – скептически рассуждала воспитательница из Тулуна К.А. Шарапова. Не могла себе уяснить, «как это может быть, чтобы все люди были равны и одновременно жили бы хорошо», член КПСС А.В. Девяткина из Пензенской области. Общество такое построить нельзя, полагала управляющая отделением совхоза в деревне Стрешневы Горы в Лотошинском районе П.А. Барабошина, потому что «вся верхушка власти тянет прежде всего на себя, а потом другим, и то крохи». «А что, мужья тоже будут общими?» – часто шутили с насмешкой в окружении токаря Ф.Н. Соловьевой с завода п/я 30 в Каменск-Уральском{1491}.

Не задумывались над этим соответственно 2,5 и 2% опрошенных. Политикой не интересовалась Г.М. Греханова, ткачиха Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината{1492}. «Поскольку коммунисткой не была, то даже не задавала себе такого вопроса» повар кафе-ресторана «Столешники» Е.В. Глазунова{1493}.

Нет ответа или он не адекватен вопросу у 17 и 17,5% опрошенных. Смутно представляла, что такое коммунизм, нормировщица 22-й дистанции пути на железнодорожной станции Чаплыгин А.А. Орлова. «Не обсуждали» эту тему, по словам жены офицера Е.В. Ципенко из города Хмельник в Винницкой области{1494}.

На вопрос «Верили ли вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т. е. к 1980 г.?» положительно ответили 37% из тех 53% опрошенных, что верили в коммунизм.

«Верили и не мыслили по-другому», по словам В.М. Быстрицкой из госкомитета по оборонной технике{1495}. С одобрением и воодушевлением воспринял программу КПСС А.Э. Шинкаренко, офицер из Семипалатинска-21 (ядерного испытательного полигона){1496}. Принял на «ура!» рабочий Московского шинного завода В.М. Кудинов{1497}. «Программа всеми принималась на ура», – утверждает Л.В. Борзова, инженер Красноярского машиностроительного завода{1498}. «Верили, что все задуманное реально сделать», по словам Е.Л. Алексеева из деревни Долгое Ледово в Щелковском районе{1499}.

Каких-либо сомнений не было у Н.А. Торгашевой из Рузаевки в Мордовии{1500}.

«Верила, хотя ничего не было, магазины были пусты», работница аптеки в Корче (Курская область) Г.С. Ковтунова{1501}. «Мы верили программе, это, пожалуй, был какой-то гипноз для простых людей», – говорит О.В. Фоменкова, работница Дрезненской фаянсовой фабрики{1502}. «Нужно хоть что-то строить и во что-то верить», – считал тракторист А.Т. Черняев из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе{1503}.

«Программа КПСС была встречена с огромной радостью, – вспоминал В.М. Михайлов, проживавший на станции Тайнинская около Мытищ. – Появилось впереди что-то огромное и ценное, к чему все стремились». Причем сам он верил, что эта программа будет выполнена раньше чем через 20 лет. С радостью восприняли этот документ и военнотрудовой из Карагандинской области Н.Е. Чепрасов и работница санатория «Южный» в Евпатории М.А. Прилепская. С воодушевлением – домохозяйка из подмосковного Косино Т.И. Калиничева. С энтузиазмом – еще 2 респондента. «Как член КПСС», – считал нужным отметить слесарь предприятия п/я 577 в Химках А.В. Ашурков. «Народ надеялся на это, все работали хорошо», – утверждала учительница из Раменского Л.Н. Пантелеева. «Программа замечательная!» – говорил работник Нарофоминского шелкового комбината В.С. Дашкевич, хотя и усматривал в ней много глупостей, вытекающих из «оппортунизма» Хрущева{1504}.

«На деревнях появился электрический свет, в городах – газ и троллейбусы», – своими глазами видел 18-летний А.В. Сухомлинов. Уверенность водителя автоколонны 1783 в Ногинске В.А. Кусайко крепла, когда он видел, как много строят жилых домов («хрущевок»): «Это было просто фантастично!»{1505}. В 1958 году получил отдельную квартиру на себя, жену и дочь рабочий типографии «Красный пролетарий» П.И. Важнов{1506}.

«Думали, что все решения направлены на улучшение жизни народа», – объясняла Г.В. Илина из колхоза им. Мичурина в деревне Гора Орехово-Зуевского района{1507}. Всею верила заведующая лабораторией в НИИ точных приборов (в Отрадном) И.В. Шехтман, но «особо не вникала»{1508}. «Мы были людьми неграмотными и верили практически всему», – объясняла счетовод Р.С. Савенцева из деревни Орловск в Марийской АССР. «Мы тогда всему верили: и богу, и коммунизму, и Хрущеву», – вторила ей повар одной из столичных столовых Р.И. Капошина. «Уж очень; убедительно об этом говорил Хрущев на съезде и наглядно мотивировал», – вспоминал В.Е. Север из Звенигорода. Была «полностью согласна с линией партии» работница керамического комбината в городе Железнодорожный Е.А. Клименкова{1509}. «Нам постоянно чего-то обещали, и мы верили. А как было не верить?» – объяснял Н.И. Жмакин, таксист из Брянска{1510}. «Как говорили на собраниях, так и относилась», – по словам техника В.Ф. Лешука с Тульчинской мебельной фабрики в Винницкой области{1511}.

«Хрущевские планы строительства коммунизма встречались с энтузиазмом, надеялись на реальное повышение уровня жизни», – объясняла Т.В. Кутикова, медсестра из колхоза в Невьяновском районе Свердловской области{1512}. Свято верил И.К. Борисов: «Надеялся, что заживем хорошо»{1513}. Очень ждала наступления этих времен И.В. Смолякова{1514}. На обещание коммунизма к 1980 году М.И. Овсова, бригадир животноводческой фермы в деревне Саввино Дмитровского района, по причине невысокой грамотности и некоторой политической апатии, реагировала таким образом: «А жить-то мы лучше будем? А если будем, то и хорошо, что коммунизм построим»{1515}. «Ведь нам обещали приятное, почему же не поверить?» – разьяснял инженер-радиотехник из Фрязино В.В. Карпецкий. «Поверили в хорошую идею, а чего еще оставалось делать?» – вторила ему работница швейной мастерской № 23 в Москве Л.В. Гурьева. Очень хотелось пожить при коммунизме каменщице М.В. Фокиной из поселка Северный в Талдомском районе{1516}.

5 и 5% из них испытывали все же некоторую долю сомнения.

«Программа грандиозна, привлекательна, но трудно выполняема», – считал офицер ПВО из Кричева И.А. Курлов. «Может быть и не через 20 лет», – оговаривалась работница Спасского треста рыбного хозяйства в Рязанской области Р.М. Шенелева. Думали, что «получится, но не в столь короткий срок» москвички Н.А. Жарова и Э.Д. Абазадзе. Не к 1980, а к 2000 г. ожидала коммунизма В.И. Гончарова, только что закончившая ММСИ{1517}. «Не в столь короткий срок и при сильном руководстве», – таков смысл оговорки колхозного бухгалтера З. А. Яненко из деревни Яненки в Смоленской области{1518}. Не доверяла самому Хрущеву ткачиха

Яхромской прядильно-ткацкой фабрики Л.А. Догонина{1519}.

Не поверили соответственно 26 и 39% опрошенных помимо тех 18,5 и 16%, кто вообще не верил в коммунизм.

Несбыточными мечтаниями считала построение коммунизма к 1980 г., «видя тяжелую жизнь на селе», Т.И. Самородова, скотница из села Ольявидово в Дмитровском районе, коммунистка{1520}. «Жили еще бедно, и такой скачок совершить было нереально», – объяснял служивший в ВВС И.И. Точилкин из Люберец, коммунист{1521}. «Жизненный уровень не соответствовал», по мнению Е.А. Малиновской, начальника планового отдела на опытном заводе Института источников тока в Москве{1522}. «Страна в нищете, только в Москве более или менее хорошо, а тут такие нереальные сказки обещают», – считала ленинградка Г.М. Толмачева{1523}. Думала, что социализм вот-вот развалится, московская домохозяйка М.А. Ширинкина: «Бардак творился в колхозах, все продавали и пропивали»{1524}.

«С нашими людьми строить коммунизм нельзя», – считала фельдшер-лаборант Н.А. Долбик, жена военнослужащего из подмосковного Одинцово{1525}. «С такими людьми коммунизм не построить», – согласна была и Л.С. Смоленская из Ивано-Слюсаревки в Кушевском районе Краснодарского края{1526}. «Коммунизм – это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины», – говорила Е.В. Кулакова, библиотекарь из Райчихинска в Амурской области{1527}. «Ни фи́га мы не построим, все пропьем», – уверен был офицер А.Н. Проценко из в/ч 44026.{1528}

Несмотря на то, что жизнь улучшалась и большинство верило в обещания, студент из Днепропетровска В.Р. Червяченко считал их «явным перехлестом». «Мыльным пузырем» посчитала это обещание учительница Константиновской школы в Загорском районе Т.П. Воронина. После развенчания культа личности Сталина изменились многие ценности у офицера инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкина: «Мы знали, что на Западе жизнь лучше чем в нашей стране». «Жизнь так тяжела, – сетовала маляр К.М. Селиванова с автокранового завода в Балашихе, – что кажется лучше никогда и не будет». «Тогда ничего хорошего не ждали, – вспоминала техник завода № 500 М.С. Севастьянова, – все постоянно дорожало»{1529}.

Научный сотрудник ВНИИ экономики сельского хозяйства Т.И. Шевякова, привлекавшаяся вместе со своим коллективом к разработке программы, рассказывала, что их расчеты «показывали невозможность догнать США по сельскому хозяйству» хотя бы потому, что «у нас разные климатические условия». Неоднократно писал в ЦК и ставил вопрос на партийных собраниях, но «не сумел убедить большинство в авантюристичности ряда положений» проекта программы инженер Московского автомобильного завода им. Сталина Е.Д. Монюшко{1530}. На мехмате Пермского университета произошел из ряда вон выходящий случай, названный «провалом воспитательной работы», когда выпускница Сабанцева отказалась вести агитационную работу среди населения, заявив при этом, что «сама не верит в реальность построения коммунизма»{1531}. «В это может верить только глупый», – считала домохозяйка М.М. Лунина из деревни Круглица в Куринском районе Орловской области{1532}.

«В душе знали, что этого не будет, но помалкивали», – вспоминает Е.И. Емшина, рабочая предприятия п/я 2346 в Москве, судя по всему, коммунистка{1533}. Бредом считали, а вслух не говорили, боялись, по словам В.И. Маркина, техника НИИ-160 во Фрязино{1534}.

Беспредметными популистскими метаниями партийных верхов выглядели подобные обещания в глазах корреспондента газеты «Люберецкая правда» Е.Н. Филькова. «Все это выдумки Хрущева!» – говорил шофер из деревни Аксеново в Раменском районе Ю.И. Чумаров. Считала Хрущева фантазером бухгалтер Н.В. Овсянникова из Фирсановки. Как «очередной трюк Хрущева» расценил обещание коммунизма через 20 лет инженер Корневского завода строительных материалов в Люберецком районе И.И. Назаров: «Над этим люди даже смеяться стесняются». По его убеждению, «именно этим был впервые скомпрометирован коммунизм, а вместе с ним и партия во главе с Хрущевым». Не верила Хрущеву доярка из деревни Зайчевка в Тульской области Т.П. Кищенко: «Он сам себе испортил репутацию тем, что наступал на частное хозяйство». Не верил, что этого можно добиться «с этим руководством» инженер-экономист завода № 30 («Знамя труда») Г.К. Широков. «Кто хотел власти, тот

усиленно и пропагандировал эту идею», – говорила москвичка и жена писателя В.П. Строковская. «Ультралевая, маоистская сущность взглядов Хрущева» к этому времени стала понятна для строителя из Новосибирска А.А. Чуркина{1535}.

«Глупостью» считал все это Н.Д. Михальчев из города Ершов в Саратовской области. С ним была согласна и техник Томилинской птицефабрики в Подмоскovie А.М. Васильева, ощущения у которой были такие же, как и от недавнего лозунга «догнать и перегнать Америку по мясу и молоку». Бредом называли эти сроки диспетчер завода «Авангард» в Москве Е.И. Коклюшкина и шофер МПС М.А. Гук. «Надувательством» считала программу КПСС бригадир подмосковного колхоза им. Ленина, коммунистка П.И. Ковардюк. Инженер МЭИ А.В. Митрофанов и люди из его окружения «уже поняли внутреннее несовершенство большинства людей, их неготовность жить по принципам коммунизма». «Никто этому не верил», – утверждали прядильщица фабрики им. Октябрьской революции в подмосковном Михнево Л.С. Кондрашова и учительница из соседнего поселка Дзержинский Н.С. Мартынова. «Кажется, не было человека, который бы ни смеялся над этим», – вторит им учительница из Мытищ А.В. Кочеткова. «Надо же чем-то кормить обывателя, тем более слепых коммунистов и комсомольцев», – горячился сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников. «Народ смеялся», – говорила воспитательница детского сада № 3101 в Люблино З. И. Андрианова. «Очки втирают», – считала инженер-строитель из Министерства путей сообщения Е.Г. Ананьева и рассказывала анекдот, как Фурцеву, где-то распространявшуюся о том, что мы одной ногой еще стоим в социализме, а другой – уже в коммунизме, прерывают вопросом: «Не околеем ли, стоя так 20 лет в раскоряку?». О том, что «мужики рассказывали анекдоты об этом», – вспоминает и слесарь завода № 11 в Краснозаводске М.Ф. Шилков{1536}.

Затрудняются с ответом (в том числе потому, что не осталось в памяти) соответственно 1 и 2% опрошенных.

Нет ответа или он не адекватен вопросу у соответственно 7,5 и 3% опрошенных.

Итак, хотя число верящих в коммунизм вообще (51-53%) в три раза превышало число не верящих (18,5-16%), но провозглашенные на XXII съезде КПСС сроки его построения показались достижимыми только 35-37%.

Большое место на XXII съезде занял вопрос о последствиях культа личности. Отдельным пунктом он в повестке дня не значился, но его так или иначе затрагивали и в отчетном докладе ЦК, и в прениях (все члены Президиума ЦК), и в заключительном слове Хрущева. Ну, а поднят он был перед съездом, причем неожиданно и даже скандально. На партийной конференции в Ленинском районе Москвы 7 сентября 1961 г. начальник кафедры оперативно-тактической подготовки Военной академии им. Фрунзе генерал-майор П.Г. Григоренко обратил внимание на то, что культ личности заключался не только в том, что Сталин встал над партией.

– Если бы это был один случай, можно было бы не тревожиться. Был еще случай, когда у высшего органа власти оказался Берия – человек не только чуждый партии, но и враждебный нашему строю. Мы имеем факт, когда другая коммунистическая партия у власти (в Югославии) оказалась под пятой у человека, который изменил ее состав и превратил в сугубо культурно-просветительскую организацию. Мы имеем факт, когда албанские руководители становятся на тот же путь... Значит есть какие-то недостатки в самой организации, в постановке всего дела партии, которые позволяют это... Мы одобряем проект программы, в котором осужден культ личности. Но возникает вопрос: все ли делается, чтобы культ личности не повторился?{1537}

Таким образом, Григоренко связал вопрос о культе не с личностью, а с системой. Мысль об этом приходила в голову многим, но он посмел публично озвучить ее. А это было непростительно. Поэтому не было ничего удивительного в том, что сидевший в президиуме заместитель министра обороны и главнокомандующий войсками ПВО маршал С.С. Бирюзов поспешил вмешаться:

– Мне кажется, нет смысла дальше слушать товарища, потому что есть решение съезда по этому вопросу, определенное и ясное.

Но его предложение лишить оратора слова не получило поддержки большинства делегатов. И, продолжая свое выступление, Григоренко предложил «усилить демократизацию выборов и широкую сменяемость, ответственность перед избирателями», а также «изжить все

условия, порождающие нарушение ленинских принципов и норм, в частности высокие оклады». Предложение Бирюзова он назвал «зажимом» и отметил, что оно «не относится к ленинским принципам».

– Если коммунист, находящийся на любом руководящем посту, культивирует бюрократизм, волокиту, угодничество, семейственность и в любой форме зажимает критику, то он должен подвергаться суровому партийному взысканию и безусловно отстраняться от занимаемой должности и направляться на работу, связанную с физическим трудом в промышленности и сельском хозяйстве{1538}.

Начальник академии генерал-полковник П.А. Курочкин поспешил дать справку, что Григоренко этот вопрос в партийной организации не ставил и потому нельзя сказать, что он выражает ее мнение. А после двух перерывов, потраченных на консультации и обработку делегаций, после выступления секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева было принято решение осудить выступление Григоренко как «политически незрелое», а его самого лишить мандата. «За» проголосовало около трети, «против» и воздержавшихся не было{1539}. Через два дня Григоренко приказом министра освободили от заведования кафедрой, а затем объявили строгий выговор. На заседании парткома академии, где обсуждался этот вопрос, начальник академии Курочкин говорил:

– ЦК считает, что ему не место в партии.

Но его предложение исключить Григоренко из партии не прошло{1540}.

30 октября 1961 г. XXII съезд КПСС принял решение о выносе гроба с телом Сталина из Мавзолея. «Да, нехорошо, – записывал в связи с этим в свою рабочую тетрадь А.Т. Твардовский, – нужно исправить ошибку 53 г., но как было бы благопристойнее, если бы не было этой ошибки». Признав, что и его можно попрекнуть за стишки («И лежат они рядом...»), которые, правда, были тогда искренними, он в то же время задается вопросом, кого же попрекать за то, что Сталина положили рядом с Лениным: «Так велика была инерция принятого, утвержденного всеми средствами воздействия на сознание равенства этих личностей (даже более чем равенства!)»{1541}.

Согласились с этим шагом 15% опрошенных в 1998 г. и 26% опрошенных в 1999 г.

«Ироду нечего там делать», – говорила А.П. Безменова, рабочая Красногорского оптико-механического завода{1542}. «Сталин загубил столько людей, что не заслуживает таких почестей», – полагал В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота{1543}. «Зачем такому душегубу там лежать, чтобы на него глазели?» – говорила учительница А.В. Сорокина из Онуфриево в Истринском районе{1544}.

«К тому времени узнала о нем все» работница сельского совета в Дубровицах Подольского района З. Н. Нифонтова. Справедливым посчитала этот шаг доярка Т.П. Кищенко из деревни Зайчевка в Тульской области: «Он не сделал ничего для победы революции и присвоил многое себе»{1545}. «Многие говорили, что он враг», – сообщал рентгенотехник Раменской больницы Б.Г. Маскин. «Так ему и надо!» – восклицала Ю.С. Савенкова из деревни Петрово в Оленинском районе Калининской области. «Человеку, совершившему столько зла, нечего делать рядом с Лениным», – соглашалась токарь завода п/я 30 в Каменске-Уральском Ф.Н. Соловьева. «Это усыпальница для Ленина, а не коллективное захоронение», – полагала А.В. Кочеткова, учительница из Мытищ. «Слишком много крови на его совести», – полагала вулканизаторщица Останкинского молочного завода З. Т. Горячева. «Вынесли, и никто не жалел», – утверждала врач из Ленинграда Н.В. Кузьменко, прибавляя: «Мавзолей строили для Ленина», и если оставить там Сталина, «то потом и Хрущева положат». «Тело должно быть предано земле», – считал работник узла связи в Долинске на Сахалине В.А. Куприн{1546}.

«На свалку бы его!» – думал бывший дворянин С.Н. Гук. Жалела, что «второго прохвоста не вынесли», его жена М.А. Гук. «Надо было сразу и Ленина захоронить», – добавляет В.В. Филиппова, учительница из Ельца в Липецкой области{1547}. Вообще была против мавзолеев инженер Северной водонапорной станции К.В. Воложанцева.

Не одобрили соответственно 13, 5 и почти 29% опрошенных.

«Кошунством» назвал инженер Кореневского завода строительных материалов в Люберецком районе И.И. Назаров. «Не тобой положено, не тобой взято будет!» – говорил научный сотрудник из Центрального института погоды В.М. Мухин. «Каким бы Сталин ни

был, мы при нем жили не плохо», – утверждала работница Госсанэпидемнадзора в Реутово М.Т. Широкова. По свидетельству днепропетровского студента В.Р. Червяченко, недовольны были в основном бывшие фронтовики («мы за него кровь проливали!») и, как ни странно, те, кто сидел в ГУЛАГе. Переживала за Сталина медсестра в/ч 12122 в подмосковном поселке Заря А.П. Смирнова: «Зачем ворошить прошлое?». Противоположный довод приводила учительница Власовской школы в Раменском районе А.В. Апифанова: «Сталин – вождь, это наша история!». Героем считал Сталина милиционер А.В. Петров из поселка Рощино в Ленинградской области. «Мертвых взад назад не носят», – говорила учительница Константиновской школы в Загорском районе В.С. Безбородова. «Вынесли крадучи, народ не спрашивали!» – возмущалась официантка одного из столичных кафе и жена офицера-силовика Н.Н. Сныткова. Возмущалась доярка Е.П. Соколова из села Солодилово в Воловском районе Тульской области: «Это был ближайший соратник Ленина! Он вывел страну из разрухи после войны!». Не понравилось и школьнице Г.Н. Стецюре из поселка Удыч в Тепликском районе Винницкой области; неприятно ей было, когда у них в парке сняли памятник Сталину и выбросили в пруд, где на него потом натыкались купающиеся. «Он никому не мешал», – полагала работница котельной из подмосковного села Куроедово Г.В. Соболева. По воспоминаниям учительницы из Раменского Л.Н. Пантелеевой, все шутили, что Хрущев освобождает место в мавзолее для себя{1548}.

Решительно осуждая вынос тела Сталина из мавзолея, инженер одного из столичных НИИ Б.Г. Лященко в то же время считал более правильным построить пантеон вне Красной площади и перенести туда прах всех советских знаменитостей{1549}.

Отнеслись неоднозначно 1,5% опрошенных. «Раз положили в мавзолее, вроде бы и должен он быть там, но, с другой стороны, разве не должен он быть предан земле?» – раздумывала бухгалтер Ф.П. Атошкина из колхоза им. 1-го мая в Мечетинском районе Ростовской области{1550}. Продолжал считать, что Сталин «много сделал для страны, поднял ее из руин», но в то же время знал «другую правду» о нем офицер инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкин{1551}.

Затруднились с ответом более 1% опрошенных.

Никак не реагировали, остались безразличными, равнодушными более 4% опрошенных.

Не слышало об этом около 1% опрошенных.

Нет ответа или он не подлежит однозначному толкованию у более чем 27% опрошенных.

Итак, обобщая все эти ответы, можно с достаточной долей основания сделать вывод о том, что, несмотря на новую мощную атаку, предпринятую на съезде против культа личности Сталина, число тех, кто продолжал не соглашаться в этом вопросе с властью, продолжало несколько превышать число тех, кто именовал себя антисталинистами.